

**Джек
ЛОНДОН**

БИБЛИОТЕКА КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

*Мартин
Иден*

*Иллюстрации
Петра Пинкисевича*

Москва
2024

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Л76

Л76 **Лондон, Джек.**
Мартин Иден / Джек Лондон ; иллюстрации Петра Пинкисевича ; [перевод с английского Раисы Облонской]. — Москва : Эксмо, 2024. — 480 с. : ил. — (Библиотека классической литературы).

ISBN 978-5-04-177951-1

«Мартин Иден» — известный роман американского писателя Джека Лондона, который часто называют автобиографическим. Так же, как автор, главный герой проходит через множество испытаний, прежде чем стать знаменитым писателем. В книге использованы иллюстрации Петра Пинкисевича.

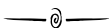
УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-177951-1

© Облонская Р., перевод, наследники,
2024

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Глава 1

Он отпер дверь своим ключом и вошёл, а следом, в смущении сдёрнув кепку, шагнул молодой парень. Что-то в его грубой одежде сразу же выдавало моряка, и в просторном холле, где они оказались, он был явно не к месту. Он не знал, куда девать кепку, стал было засовывать её в карман пиджака, но тот, другой, отобрал её. Отобрал спокойно, естественно, и парень, которому тут, видно, было не по себе, в душе поблагодарил его. «Понимает, — подумал он. — Поможет, всё обойдётся».

Парень враскачку шёл за тем, другим, невольно расставляя ноги, словно этот ровный пол то, кренясь, взмывал на волне, то ухал вниз. Шёл вперевалку, и большие комнаты становились тесными, и страх его брал, как бы не задеть широкими плечами дверной косяк, не скинуть какую-нибудь дорогую вещицу с низкой каминной полки. Он шарахался то вправо, то влево и лишь умножал опасности, что мерещились ему на каждом шагу. Между роялем и столом посреди комнаты, на котором громоздились книги, могли бы пройти шестеро в ряд, он же пробирался с опаской. Могучие ручищи болтались по бокам. Он не знал, куда их девать, вдруг в страхе отпрянул, точно испуганная лошадь, — вообразил, будто сейчас свалит груду книг на столе, и едва не наскочил на вращающийся табурет перед роялем. Он приметил, какая непринуждённая походка у того, впереди, и впервые осознал, что сам ходит совсем не как все прочие

люди. И на миг устыдился своей неуклюжести. На лбу выступили капельки пота, он остановился, отёр загорелое лицо платком.

— Обождите, Артур, дружище, — сказал он, пытаясь прикрыть тревогу шутливым тоном. — У меня уж голова кругом пошла. Надо ж мне набраться храбрости. Сами знаете, не желал я идти, да и вашему семейству, смекаю, не больно я нужен.

— Ничего-ничего, — ободряюще сказал Артур. — Незачем нас бояться. Мы самые обыкновенные люди. Э, да мне письмо!

Он отошёл к столу, вскрыл конверт и принялся читать, давая гостю опомниться. И гость понял и в душе поблагодарил хозяина. Был у него дар понимания, проникновения; и, хотя чувствовалось, что ему сейчас отчаянно не по себе, дар этот ни на минуту не изменил ему. Он опять вытер лоб, осмотрелся, и теперь лицо уже было спокойно, только взгляд насторожённый, словно у дикого зверя, когда он чует ловушку. Оказавшись в незнакомом окружении, со страхом думая, что же будет дальше, он не понимал, как себя здесь вести, ощущал, что ходит и держится неуклюже, боялся, что и каждое его движение, и сама его сила отдаёт всё той же неуклюжестью. Был он на редкость чуток, безмерно застенчив, и затаённая усмешка во взгляде Артура, брошенном поверх письма, резнула его, как ножом. Он заметил этот взгляд, но виду не подал, ибо в ту науку, которую он превзошёл, входило и умение владеть собой. Взгляд этот ранил его гордость. Он клял себя за то, что пришёл, и, однако, решил, что, уж раз пришёл, будь что будет, отступать он не намерен. Лицо стало жёстче, глаза сверкнули воинственно. Всё примечая, он спокойнее огляделся по сторонам, и в мозгу отпечатались каждая

мелочь красивого убранства этой комнаты. Ничто не ускользнуло от его зоркого взгляда, широко раскрытые глаза вбирали окружающую красоту, и воинственный блеск в них уступал место тёплому сиянию. Он всегда чутко отзывался на красоту, а тут было на что отозваться.

Его внимание приковала картина, писанная маслом. Могучий прибор с грохотом разбивается о выступ скалы, мрачные грозовые тучи затянули небо, а вдали, за линией прибоя, на фоне грозового закатного неба — лоцманский бот в крутом повороте, он накренился, так что видна каждая мелочь на палубе. Была здесь красота, и она влекла неодолимо. Парень позабыл о своей неуклюжей походке, подошёл ближе, совсем близко. И красота исчезла. На лице его выразилось замешательство. Он смотрел во все глаза на эту, как ему теперь казалось, неряшливую мазню, потом отступил на шаг. И плотно вновь ослепило красотой. «Картина с фокусом», — подумал он разочарованно, однако среди множества захлестнувших его впечатлений кольнула досада: такую красоту принесли в жертву фокусу. Живопись была ему неведома. Прежде он только и видел олеографии да литографии, а они всегда чётки и определённые, стоишь ли рядом или смотришь издали. Правда, в витринах магазинов он видел и картины, писанные маслом, но стекло не давало всмотреться в них поближе.

Он оглянулся на приятеля, читающего письмо, и увидел на столе книги. В глазах тотчас вспыхнула тоскливая зависть и жадность, точно у голодного при виде пищи. Враскачку он двинулся к столу и вот уже любовно перебирает книги. Скользит глазами по названиям, по именам авторов, выхватывает обрывки текста, — ласкает том за томом и руками, и взглядом, — но лишь одну книгу он когда-то читал. Остальные книги и писатели

незнакомы. Ему попался том Суинберна¹, и он начал читать подряд, стихотворение за стихотворением, и забыл, где он, и щёки у него разгорелись. Дважды он закрывал книгу и, придерживая страницу пальцем, ещё раз смотрел имя автора. Свинберн! Надо запомнить. У этого малого глаза на месте, он всё видел как надо — и цвет, и сверкающий свет. Кто же такой этот Свинберн? Давным-давно помер, как почти все поэты? Или ещё живой, пишет? Он поглядел на титульный лист. Да, у Свинберна есть и другие книги. Что ж, утром первым делом надо сходить в библиотеку, разжиться его книжками. Парень опять погрузился в чтение и забыл обо всём на свете. Он не заметил, что в комнату вошла молодая женщина. Опомнись, лишь услышав слова Артура:

— Руфь, это мистер Иден.

Он закрыл книгу, заложил указательным пальцем и, ещё прежде чем обернулся, ощутил радостное волнение — не от знакомства с девушкой, но от слов её брата. В этом мускулистом парне таилась безмерно ранимая чуткость. Стоило внешнему миру задеть какую-то струну в его сознании — и все мысли, представления, чувства тотчас вспыхнут, запляшут, точно трепетное пламя. Был он на редкость восприимчив и отзывчив, а живое воображение не знало покоя в беспрестанном поиске подобий и различий. «Мистер Иден» — вот что радостно поразило его, ведь всю жизнь его звали Иден. Мартин Иден или просто Мартин. И вдруг «мистер»! Это кое-что да значит, отметил он про себя. Память мигом обратилась в громадную камеру-обскуру, и перед его внутренним взором заскользили нескончаемой вереницей картины

¹ Суинберн, Алджернон Чарльз (1837–1909) — английский поэт.

пережитого — кочегарки и кубрики, стоянки и причалы, тюрьмы и кабаки, тифозные бараки и трущобы, и одновременно раскручивалась нить воспоминаний — как называли его при всех этих поворотах судьбы.

А потом он обернулся и увидел девушку. И вихрь призрачных картин растаял. Он увидел бледное воздушное создание с облаком золотистых волос и одухотворённым взглядом огромных голубых глаз. Он не заметил, что на ней надето, знал только, что одежда была такая же поразительная, как она сама. Хрупкий золотистый цветок на тоненьком стебле. Нет, дух, божество, богиня — земля не могла породить такую возвышенную красоту. Или, выходит, книги не врут и в высших сферах и впрямь много таких, как она. Её вполне мог бы воспеть этот малый Свинберн. Видать, когда писал про ту деву, Изольду из книжки со стола, какая-нибудь такая и была у него на уме. Всё это он увидел, почувствовал, подумал в одно мгновение. А меж тем всё шло своим чередом. Девушка протянула руку и, прямо глядя ему в глаза, просто, будто мужчина, обменялась с ним рукопожатием. Женщины, каких он до сих пор встречал, жмут руку по-другому. Да по правде сказать, мало кто из них здоровается за руку. Поток воспоминаний, картин — как он знакомился с женщинами — хлынул, грозя его захлестнуть. Но он отмахнулся от них и смотрел на девушку. Отродясь такой не видал. Ему знакомы совсем другие женщины! И тотчас подле Руфи, по обе стороны, выстроились женщины, которых он знал. Бесконечно долгое мгновение стоял он посреди какой-то портретной галереи, где царила она, а вокруг расположилось множество женщин, и всех надо было окинуть беглым взглядом и оценить, и непреложной мерой была она. Вот вялые нездоровые лица фабричных работниц

и бойкие, ухмыляющиеся девчонки из кварталов к югу от Маркет-стрит. Скотницы с ферм и смуглые мексиканки с неизменной сигаретой в углу рта. Их вытеснили японки с кукольными личиками, жеманно переступающие ножками в туфельках на деревянной подошве; евразийки с нежными лицами, отмеченными печатью вырождения; пышнотелые, темнокожие, увенчанные цветами женщины Южных морей. А потом всех заслонила нелепая чудовищная толпа — неряхи и распустёхи, слоняющиеся на панелях Уайтчепеля, опухшие от джина ведьмы из гнусных притонов и все непристойные, сквернословящие исчадия ада, гарпии в ужасающем женском обличье, которые охотятся на матросов, портовая грязь и нечисть, распоследние отребья и отбросы человечества.

— Присядьте, мистер Иден, — говорила меж тем девушка. — Я давно хотела с вами познакомиться, с тех самых пор, как Артур нам рассказал. Вы поступили так мужественно...

Он протестуяще махнул рукой, пробормотал, мол, чего он такого особенного сделал, всяк на его месте поступил бы так же. Она заметила, что рука, которой он махнул, покрыта свежими подживающими ссадинами, взглянула на другую, опущенную руку — то же самое. Кинула и ещё быстрый оценивающий взгляд, заметила на щеке шрам, другой виднеется из-под волос на лбу, и ещё один уходит под крахмальный воротничок. Она подавила улыбку, заметив красную полосу на бронзовом шее — натёрло воротничком. Не привык, видно, к жёстким воротничкам. Своим женским глазом увидела она и его костюм — дешёвый, неизящный крой, на плечах морщит и на рукавах тоже — выпирают бицепсы.

Отмахиваясь и бормоча, мол, ничего такого он не сделал, он подчинился ей, решил, надо где-то сесть.

Успел восхититься непринуждённостью, с какой села она, и направился к креслу напротив, подавленный сознанием собственной неуклюжести. Ощущение это было ему внове. Всю жизнь, вплоть до сегодняшнего дня, он и знать не знал, ловкий он или неуклюжий. Ни о чём таком он никогда не задумывался. Он опасливо сел на краешек кресла, мучительно гадая, куда девать руки. Как ни положи, всё они не на месте. Артур пошёл к двери, и Мартин Иден проводил его тоскующими глазами. Один на один в комнате с этим бледным неземным созданием он совсем растерялся. Ни тебе бармена — заказать выпивку, ни какого ни то мальчонки — послать за угол за банкой пива, и таким вот приятным образом свести знакомство.

— У вас шрам на шее, мистер Иден, — заговорила девушка. — Как это случилось? Наверно, вы пережили какое-нибудь приключение.

— Один мексиканец полоснул, — ответил он, облизнул запёкшиеся губы и прокашлялся. — Драка у нас была. Нож-то я у него выдернул, а он чуть не откусил мне нос.

Сказал он скупое, а перед глазами возникло красочное видение — знойная звёздная ночь в Салина-Крус, белая полоса песчаного берега, огни грузовых пароходов в гавани, приглушённые расстоянием голоса пьяных матросов, толпящиеся портовые грузчики, разъярённое лицо мексиканца, звериный блеск глаз при свете звёзд, и сталь впивается в шею, фонтан крови. Толпа, крики, два сцепившихся в схватке тела, его и мексиканца, перекатываются опять и опять, взрывают песок, а откуда-то издали томный звон гитары. Всё это встало перед глазами, и трепет воспоминания охватил его — интересно, как бы всё это получилось у того парня, который

нарисовал шхуну там на стене. Белый берег, звёзды, огни грузовых пароходов — вот бы здорово, а в серёдке, на песке, тёмная гурьба зевак вокруг дерущихся. И чтоб нож как следует виден, блестит в свете звёзд. Но всего этого было не угадать по его скупым словам.

— Мексиканец чуть не откусил мне нос, — только и сказал он в заключение.

— О-о-о! — выдохнула она чуть слышно, будто изда-лека, и по её чуткому личику он понял, что это не по ней.

Тут и его опалило жаром, сквозь загар на щеках слегка проступила краска смущения, ему же показалось, будто щёки жжёт, как перед открытой топкой в кочегарке. Видать, не положено говорить с порядочной девушкой об эдаких подлостях, о поножовщине. В книгах люди вроде неё про такое не говорят, а может, ничего такого и не знают.

Оба молчали, разговор, едва начавшись, чуть не оборвался. Потом она сделала ещё одну попытку, спросила про шрам на щеке. И ещё не договорила, а он уже сообразил, что она старается говорить на понятном ему языке, и положил, наоборот, разговаривать на языке, понятном ей.

— Случай такой вышел, — сказал он, потрогав щёку. — Ночью дело было, вдруг заштормило, сорвало гик¹, потом тали², гик проволочный, хлещет по чему попало, извивается, будто змея. Вся вахта старается изловить, я кинулся, ну и схлопотал.

— О-о-о! — произнесла она на сей раз так, будто всё поняла, хотя на самом деле это была для неё китай-

¹ Гик — горизонтальная балка, которая крепится к мачте. По гику растягивают нижнюю часть паруса.

² Та́ли — грузоподъёмное устройство, состоящее из двух блоков.

ская грамота, и она представления не имела ни что такое «гик», ни что такое «схлопотал».

— Этот парень, Свинберн, — начал он, желая переменить разговор, как задумал, но коверкая имя.

— Кто?

— Свинберн, — повторил он с той же ошибкой. — Поэт.

— Суинберн, — поправила Руфь.

— Вот-вот, он самый, — пробормотал Мартин, вновь залившись краской. — Он давно умер?

— Да разве он умер? Я не слыхала. — Она посмотрела на него с любопытством: — Где ж вы с ним познакомились?

— В глаза его не видал, — был ответ. — Прочитал вот его стихи из той книжки на столе, перед тем как вам войти. А вам его стихи нравятся?

И она подхватила эту тему, заговорила быстро, непринуждённо. Ему полегчало, он сел поудобнее, только сжал ручки кресла, словно оно могло взбрыкнуть и сбросить его на пол. Он сумел направить разговор на то, что ей близко, и она говорила и говорила, а он слушал, старался уловить ход её мысли и дивился, сколько всякой премудрости уместилось в этой хорошенькой головке, и упивался нежной прелестью её лица. Что ж, мысль её он улавливал, только брала досада на незнакомые слова, они так легко слетали с её губ, и на непонятные критические замечания и рассуждения, зато всё это подхлёстывало его, давало пищу уму. Вот она, умственная жизнь, вот она, красота, тёплая, удивительная, такое ему и не снилось. Он совсем забылся, жадно пожирал её глазами. Вот оно, ради чего стоит жить, бороться, завоевать... эх, да и умереть. Книжки не врут. Есть на свете такие женщины. И она такая. Он воспарил на крыльях

воображения, и огромные сияющие полотна раскинулись перед его мысленным взором, и на них возникали смутные гигантские образы — любовь, романтика, героические деяния во имя Женщины — во имя вот этой хрупкой женщины, этого золотого цветка. И сквозь зыбкое трепещущее видение, словно сквозь сказочный мираж, он жадно глядел на женщину во плоти, что сидела перед ним и говорила о литературе, об искусстве. Он и слушал тоже, но глядел жадно, не сознавая, что пожирает её глазами, что в его неотступном взгляде пылает само его мужское естество. Но она, истая женщина, хоть и совсем мало знающая о мире мужчин, остро ощущала этот обжигающий взгляд. Никогда ещё мужчины не смотрели на неё так, и она смутилась. Она запнулась, запуталась в словах. Нить рассуждений ускользнула от неё. Он пугал её, и, однако, оказалось до странности приятно, что на тебя так смотрят. Воспитание предостерегало её об опасности, о дурном, коварном, таинственном соблазне; инстинкты же её победно звенели, понуждая перескочить через разделяющий их кастовый барьер и завоевать этого путника из иного мира, этого неотёсанного парня с ободранными руками и красной полосой на шее от непривычки носить воротнички, а ведь он явно запачкан, запятнан грубой жизнью. Руфь была чиста, и чистота противилась ему; но притом она была женщина и тут-то начала постигать противоречивость женской натуры.

— Да, так вот... да, о чём же я? — Она оборвала на полуслове и тотчас весело рассмеялась над своей забывчивостью.

— Вы говорили, этому... Суинберну не удалось стать великим поэтом, потому как... а дальше не досказали, мисс, — напомнил он, и вдруг внутри засосало вроде как от голода, а едва он услышал, как она смеётся,

по спине вверх и вниз поползли восхитительные мурашки. Будто серебро, подумал он, будто серебряные колокольца зазвенели; и вмиг на один лишь миг перенесло в далёкую-далёкую землю, под розовое облачко цветущей вишни, он курил сигарету и слушал колокольца островерхой пагоды, зовущие на молитву обутых в соломенные сандалии верующих.

— Да... благодарю вас, — сказала Руфь. — Суинберн потерпел неудачу потому, что ему всё же не хватает... тонкости. Многие его стихи не следовало бы читать. У истинно великих поэтов в каждой строке прекрасная правда и каждая обращена ко всему возвышенному и благородному в человеке. У великих поэтов ни одной строки нельзя опустить, каждая обогащает мир.

— А по мне, здорово это, что я прочёл, — неуверенно сказал Мартин, — прочёл-то я, правда, немного. Я и не знал, какой он... подлюга. Видать, это в других его книжках вылезит.

— И в этой книге, которую вы читали, многие строки вполне можно опустить, — строго, наставительно сказала Руфь.

— Видать, не попались они мне, — объяснил Мартин. — Я чего прочёл, стихи что надо. Прямо светится да сверкает, у меня аж всё засветилось в нутре, вроде солнце зажглось, не то прожектор. Зацепил он меня, хотя, понятно, я в стихах не больно смыслю, мисс.

Он запнулся, неловко замолчал. Он был смущён, мучительно сознавал, что не умеет высказать свою мысль. В прочитанном он почувствовал огромность жизни, жар её и свет, но как передать это словами? Не смог он выразить свои чувства — и представился себе матросом, что оказался тёмной ночью на чужом корабле и никак не разберётся ошупью в незнакомом такелаже.